

Иосиф Рочко

Даугавпилс, Латвия

ДВЕ НОВЫЕ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ О ХОЛОКОСТЕ В ЛАТГАЛИИ

Яков Баркан. «Боль молчания»

Яков Давидович Баркан (р. 1927, Краслава), эмигрированный профессор, доктор технических наук, — известный в Латвии человек. Он автор более двухсот научных трудов, двадцати монографий и учебников, семидесяти авторских свидетельств и патентов. Его основные работы посвящены энергосистемам, а также проблемам окружающей среды. Но на этот раз маститый ученый написал книгу о спасении своей семьи в годы Второй мировой войны в Краславе¹.

В 1935 г. в этом латгальском городе проживали 1444 еврея, или треть населения. В 1927—1932 гг. мэром города был Моисей Рабинович². Он же был автором городского герба, на котором изображена ладья с пятью веслами, символизирующими пять основных этнических групп населения Краславы. Сегодня одно весло «слоmano». Здесь родились известный скульптор Наум Аронсон (1872—1943), художник Абель Пан (1883—1963), поэтесса Цецилия Динере (1919—1996), Гирш Плакхин (1909—1941), совершивший подвиг, впоследствии прославивший Александра Матросова.

Семья Давида Баркана владела кожевенным заводом, его брат — скипидарным заводом. В 1940 г. советская власть национализировала кожевенное производство, а его владелец стал директором предприятия. 14 июня 1941 г. из Краславы были депортированы семьи Бутиных, Марон, Палей.

Почему не депортировали семью Баркан? Как отмечает автор книги, его «отец всегда соблюдал хорошие отношения с людьми, и никто в то время не удосужился написать на него “телегу” (донос)». На этот раз исключительная честность и доброе отношение к соседям и работникам сыграли решающую роль. Этот фактор затем был определяющим для семьи Баркан в годы Холокоста. К сожалению, история знает и противоположные примеры. Яков Баркан отмечает, что судьба депортированных была незавидной, но судьба евреев, оставшихся на оккупированной нацистами территории, — трагичной. У местного населения депортация вызвала шок, ужас, а латыши посчитали, что основной ее целью были именно они. Правда, профессор сделал простейшие расчеты, показав, что среди депортированных были (% от состава общины):

евреи — 1,2
латыши — 0,8
русские — 0,4

Таким образом, удельный вес депортированных евреев превышал эту величину для латышского населения в 1,5 раза. Цифры объективно отражают общую трагедию Латвии, но депортация сыграла свою роль в Холокосте, ибо в ней нацистская пропаганда обвиняла именно евреев. Правда, если бы и не было депортации, то Холокост все равно был бы осуществлен, но, возможно, не таки-

ми стремительными темпами; вероятно, большее число гонимых могло спастись.

Конечно, основа книги Якова Баркана — это судьба его семьи в годы Катастрофы. Удивительное спасение ее членов представляется чудом.

С началом немецкой оккупации часть евреев Краславы была уничтожена на месте. Другую часть погнали в Даугавпилсское гетто. Лишь немногих временно оставили в живых. Давид Баркан и его семья не были уничтожены, так как на кожевнном производстве еще не был закончен процесс дубления кожи. Нацисты нуждались в хороших кожаных сапогах. Но какая-то эсэсовская команда уже решила расстрелять последних в городе евреев завтра. Но завтра команду куда-то отправили.

18 сентября 1941 г. стало ясно, что наступила очередь семьи Баркан. Об этом сообщили знакомые. Ночью семья отправились в сторону белорусской границы, достигнув поселка Плюсы. Здесь

они нашли приют у местного крестьянина Михаила Кижло, где находились с середины сентября 1941 по июль 1944 г. В спасении евреев участвовала не только семья Кижло. Несчастливым помогали и об этом знали священники П. Рудзитис, И. Анцанс, Ф. Бильша, полицейский Грунданс, соседи и знакомые Козловская, Спиридовские, М. Ворслова, Р. Размус, Боровик, Граудиньш, Леонтина и Станислав Кижло, Елена Кижки (Кижло). Возможно, о том, что семья Баркан где-то прячется, знал и некто Столяр, охранявший дом Барканов в Краславе.

Любое появление соседей в доме М. Кижло было смертельно опасно как для евреев, так и для их спасителей. Но от случайных гостей, находясь за стенкой, евреи слышали и знали о положении на фронте. Неожиданное появление жандармов³ было связано с тем, что они искали рыболовные сети, необходимые нацистам для маскировки орудий. Кошка пошла в «пустую баню», где прятались узники. Но ведь кошка не ходит в пустые дома. Даже это вызывало беспокойство. Узники помогли семье Кижло очистить семена от сорняков для посева. Зерновые прекрасно взошли, а соседи начали интересоваться, как это удалось М. Кижло вырастить небывалый урожай.

А каково эти три года было спасителям? Их настроение зависело от многих факторов, в том числе от положения на фронте, положения евреев в недалеком белорусском городке Браสลаве, где еще не было массовых расстрелов, а в окрестностях действовали партизаны. Никто не знал, сколько продлится немецкая оккупация. Даже Михаил Кижло однажды признался, что опасается не выдержать ситуацию. Не выдержала нервного напряжения бабушка Якова Баркана — умерла. Кроме семьи Баркан приют в доме Михаила Кижло нашла еврейская девушка по фамилии Кантор из Браслава.

Яков Баркан. «Боль молчания». (Рига, 2014).
Обложка

Очень важными представляются размышления автора, как и почему люди или сотрудничали с нацистами, или спасали евреев, или были равнодушны к страданиям соседей. Членом городской управы Краславы стал врач Бокумс, до этого лечивший людей, в том числе евреев. Некто Янсонс учился играть на скрипке у П. Круминьша, педагога из Даугавпилса, впоследствии ставшего Праведником народов мира, но позднее Янсонс активно участвовал в расстрелах. Автор пишет, что «спасение людей было героическим поступком... что героический поступок — явление исключительное». Понятно, что не каждый из нас способен на героизм. Те, кто помогал и прятал гонимых, считали, что нацизм не победит. Но большая часть людей старались не замечать трагедию бывших соседей. Да и сами коллаборационисты не были уверены в своем положении. Так, мэр Краславы «высказался, что в будущем неизбежно придется нести ответственность за содеянное. Поэтому желательно, чтобы не остались в живых люди, к которым непосредственно относятся эти убийства». Возможно, убийцы и догадывались, что после выполнения «грязной работы» они будут не нужны новым хозяевам. Я. Баркан подчеркнул различные черты и особенности людей, преследовавших и расстреливавших евреев и неугодных новому режиму: «Всех удивляла готовность членов вспомогательной полиции столь рьяно выполнять роль палачей...» Палачи в своих действиях руководствовались разными мотивами: жадностью, завистью, желанием отомстить бывшим конкурентам, желанием нажить. Но были и такие, которые на суде после войны на вопрос, почему они убивали, отвечали: «А так просто». Конечно, все они ненавидели, но, видимо, не все понимали нацистскую идеологию и не представляли планы новых хозяев. Но всех их объединял антисемитизм, который успешно использовали нацисты.

Исключительно важны приведенные Я. Барканом факты об отношении некоторых немецких офицеров к войне. Так, интендантский генерал поставил пост у амбара со льном, принадлежавшим семье Баркан, опасаясь, что «пройдут различные части и неизвестно, что кому взбрдет в голову». Видимо, он имел в виду эсэсовские части или эйнзацкоманды⁴. А вот офицеры интендантской службы просили разрешения у Давида Баркана, прежде чем войти к нему в дом. Увидев в доме коллекцию марок, на которых изображен Гитлер, они тихо заметили: «Этот сумасшедший и здесь присутствует». Мало того, эти офицеры, принеся евреям продукты, посоветовали им на три года скрыться. Из этих слов видно, что не все немцы верили в победу Третьего рейха.

Так же интересны наблюдения автора книги о спасителях. Выбор спасителя — это выбор между смертью, уничтожением родной семьи и спасением, подчас случайного, незнакомого человека. Мотивы спасения были разными. Кому-то евреи заплатили. Возможно, кто-то надеялся, что война продлится недолго и после победы Советского Союза они будут жить лучше, станут героями. Но на самом деле ничего не стоит горсть золотых колец или надежда на будущую благодарность, это просто несопоставимо с ежедневной, ежеминутной смертельной опасностью. Благодарностью после войны была помощь им со стороны спасенных евреев, а также память еврейского народа, что часть окружающего мира не была равнодушна к страданиям преследуемых. Не все из спасителей получили высокое звание Праведника народов мира (некоторые не дожили) или памятные медали Верховного Совета Латвийской Республики. Главное, что такие Люди были. Да и после войны некоторые спасители (например, в Резекне) подвергались преследованию со стороны бывших коллаборационистов. «Не существуют

средства, которые могли бы компенсировать подвиг таких людей». Задача историков пытаться искать и находить людей, хоть как-то помогавшим евреям в годы Катастрофы. Вместе с тем Я. Баркан ставит философский вопрос о том, «что осталось в наших душах? Могу сказать — глубокая незаживающая рана. Учítывая, что наше спасение — частный случай. Основное ощущение — невероятное человеческое унижение, которое пронизывает сознание. Можно ли после всего этого поверить в наличие будущего? Возможно ли желание иметь детей? Можно ли избежать постоянной настороженности в отношениях с людьми? Все это неизменно присутствует в сознании». «С тех пор прошло много времени, а пережитое неотступно тяготеет надо мной». Но это не должно травмировать читателей. Это должно звучать предупреждением. В ментальности евреев навсегда осталась Катастрофа и боязнь ее повторения, как в ментальности лагьшского народа — депортации 1941 и 1949 гг.

Написать книгу автору было нелегко, так как ему вновь пришлось пережить кошмарные воспоминания. 70 лет Яков Баркан держал эту боль в себе, но сегодня он поведал об этой боли нам. Якову Баркану и его брату Рафаилу Баркану удалось состояться в жизни, оба стали учеными, создали прекрасные семьи.

Сегодня, когда антисемитизм в Европе вновь набирает силу, книга Я. Баркана «Боль молчания» служит своевременным предупреждением против надвигающейся тоталитарной идеологии — религии, пытающейся разделить всех людей на «верных» и «неверных», конечной задачей которой является уничтожение цивилизованного мира.

Семен Шпунгин. «До и после побега»

Более десяти бывших узников Даугавпилсского гетто написали и опубликовали свои воспоминания о трагедии евреев в этом городе. Среди них и Семен Ильич Шпунгин (р. 1929, Даугавпилс). Недавно общество «Шамир» выпустило книгу его воспоминаний⁵, в которой он рассказывает о своей удивительной и нелегкой судьбе. Вместе с тем книга С. Шпунгина отличается от других подобных изданий. Само название указывает на то, что жизнь автора делится на две части: «до» и «после».

В части «до» (первая глава) он рассказывает о своем детстве, семье, любимом городе. С необыкновенной теплотой он рисует быт обычной еврейской семьи.

Вторая глава посвящена Катастрофе. В центре воспоминаний — история подростка, оказавшегося в гетто. Автор был одним из 14 тыс. евреев, заключенных в страшный каменный мешок предместного укрепления. Семен потерял всех родных. Двенадцатилетнему мальчику пришлось пережить проверки и brutальные акции. Выжил благодаря цепи счастливых случайностей, а также помощи знакомой-врача и находчивости. 7—9 ноября 1941 г. в гетто происходила очередная смертельная сортировка: право на жизнь получили работники (ремесленники) и их семьи, а также медики. В этом кипящем аду Сема Шпунгин потерял мать и младшую сестричку Розочку. Он бросился к группе врачей. Зубной врач Магид, стоявшая рядом со своей дочерью, поманила мальчика: «Сюда, Сема. Сюда! Я скажу, что оба вы мои дети...» Даже в этом ужасе нашелся человек, спасший ему жизнь.

28 октября 1943 г. стало последним днем существования Даугавпилсского гетто. В этот день более четырех с половиной сотен узников, включая отца Семена — Илью Шпунгина, были переведены в концлагерь Кайзервальд⁶ в Риге.

Семен Шпунгин

ДО И ПОСЛЕ ПОБЕГА

Семен Шпунгин. «До и после побега. Воспоминания». (Рига, 2014). Обложка

Придумывать и приукрашивать ничего не надо. Жизнь всё расставила по своим местам. В конце концов, после долгих несчастий еврейское счастье улыбнулось. Ребенка отправили на работу в Калупскую волость Даугавпилсского уезда. Здесь он 27 июля 1944 г. встретил свободу. Мимо проходили советские пехотинцы. «Многие солдаты, проходя мимо, покатываются со смеху: “Ой, глядите, жиденок! Мордух! Шмулик! Еврейчик!..”» Такими были первые слова, услышанные Семеном из уст освободителей. Как говорится, слов из песни не выкинешь...

Как же бывший узник воспринимает себя? «Не герои — обыкновенные люди, сломленные и свергнутые в отчаяние, не способны были помышлять о каком-либо восстании. Рядом со своими близкими все ощущали себя заложниками».

В третьей части книги — «после» — мы узнаём о счастливой судьбе молодого человека. Почему счастливой? Разве это не счастье после войны оказаться в Москве, познакомиться с известным советским писателем и публицистом Ильей Эренбургом⁷? Именно благодаря заботе И. Эренбурга ему удалось окончить отделение журналистики Московского университета. Это были годы тотального государственного антисемитизма, борьбы с «безродным космополитизмом»⁸, пресловутого «дела врачей»⁹. Все удалось преодолеть С. Шпунгину, так как он находился «за щитом Эренбурга».

1957 г. Семен Ильич Шпунгин работал в Риге в системе ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза), став известным журналистом. Ему доводилось встречаться с писателем Овадием Савичем¹⁰, артистом Аркадием Райкиным, зятем Н. С. Хрущева Алексеем Аджубеем, быть свидетелем различных важных событий, побывать в далекой ЮАР.

Спасли Семена смелость и находчивость. «Нам пришлось карабкаться на крепостной вал и прыгать с наружной и отвесной стены на дно защитного рва». Так ему удалось бежать. Он бежал в сторону Краславы, вернулся назад, прятаясь в уборной, попал в полицию, притворился мальчиком из смешанной русско-татарской семьи, выдавал себя за беженца то Островского, то Орлова из города Брянска, вновь пытался бежать. После одного из допросов немецкий унтер-офицер «тихо произнес на... идише: “*Их вейс, ду бист а клугер ингл*” (я знаю, ты умный мальчик), — и отвернулся. Слова эти навсегда врезались в мою память...». Был ли этот унтер-офицер евреем или просто знал идиш?.. Автору этих строк не раз приходилось слышать от бывших узников гетто о немецких офицерах, уж слишком благоволивших к евреям, а также об офицерах и солдатах немецкой армии, очень похожих на евреев.

Спасение мальчика напоминает остросюжетный детективный роман.

В заключительной части книги автор опубликовал восемь воспоминаний узников гетто и концлагерей. Ему удалось оживить имена спасителей, благодаря которым эти евреи выжили. Их подвиг и мужество не должны быть забыты.

Книга снабжена фотографиями, отражающими описываемые события. Необходимо также отметить блестящие двадцатистраничные комментарии редактора книги, доктора истории Г. Смирину, которые украсили книгу. Вот одно из его уточнений: евреи десятилетиями жалуются на пятый пункт паспорта, однако в советском паспорте национальность стояла третьим пунктом, а пятым — указывалась в «Листке по учету кадров» в учреждениях и на предприятиях.

Воспоминания С. И. Шпунгина сохраняют память о трагических событиях в истории Латвии, позволяют всмотреться в уходящий мир глазами современника. Они бросают вызов тем силам, которые пытаются глорифицировать преступников, например Г. Цукурса¹¹, носителей антисемитизма. Поэтому этот труд актуален и современен. Книга будет полезна читателям не только Латвии и Израиля, но и других стран, интересующихся историей нашей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Баркан Я. Боль молчания. Рига, 2014.

² Рабинович Моисей Тувьевич (1882—1941) — провизор, общественный деятель. Родился в Краславе, окончил провизорские курсы при Юрьевском (ныне Тартуский) университете. Учился в Петербургском психоневрологическом институте. До Первой мировой войны заведовал электростанцией в Краславе и был здесь помощником управляющего аптекой. После войны стал членом Краславской городской управы. В 1922 г., будучи заместителем городского головы, активно выступал за предоставление Краславе статуса города и был автором городского герба (утвержден в 1925 г.). В 1927—1932 гг. был краславским городским головой и на этом посту уделял особое внимание культуре и образованию в городе. В 30-е гг. жил в Букмуйже Эзерникской волости, где работал управляющим аптекой. В начале нацистской оккупации расстрелян вместе с семьей. — *Ред.*

³ Жандармерия — военная полиция у немцев. — *Ред.*

⁴ Эйнзацкоманда (нем. «оперативная команда») — подразделение эйнзацгруппы (нем. «оперативная группа») — одного из созданных нацистами в мае 1941 г. четырех специальных мобильных террористических формирований полиции безопасности и СД для уничтожения евреев на территории Советского Союза. Латвия входила в сферу деятельности эйнзацгруппы А, которая насчитывала около 1000 солдат и офицеров СС. Действовала в составе группы армий «Север» в Прибалтике, северной части Белоруссии, Псковской и Ленинградской областях. — *Ред.*

⁵ Шпунгин С. До и после побега: Восп. Рига, 2014.

⁶ Кайзервальд — концлагерь в рижском районе Межапарк, занимавший территорию между проспектом Виестура и железной дорогой. Начал создаваться летом 1943 г., после того как 21 июня рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто в рейхскомиссарнате Остланд (куда входила оккупированная нацистами территория Латвии) и переводе всех евреев в концентрационные лагеря. Лагерь был построен силами заключенных, привезенных в апреле 1943 г. из концлагеря Заксенхаузен (в Германии), — преимущественно немцев и поляков, и в основном ничем не отличался от других нацистских лагерей массового уничтожения. Первые две группы узников Рижского гетто были перемещены в Кайзервальд в июле 1943 г. До конца октября в Кайзервальд была переведены большая часть обитателей гетто. Последнее перемещение произошло 2 ноября, и эта дата считается днем закрытия Рижского гетто. 28 октября 1943 г. оставшихся в живых евреев Даугавпилса погрузили в вагоны и увезли в Кайзервальд. В том же месяце в этот лагерь были отправлены оставшиеся в живых евреи Лиепая. Кайзервальд как центральный распределительный лагерь имел ряд филиалов в Риге и за ее пределами. В конце июля — начале августа 1944 г. в связи с прорывом советских войск к Рижскому заливу в районе Тукумса, в результате чего основная часть германской группы войск «Север» временно оказалась отрезанной от

своего тыла, началась эвакуация заключенных концлагерей в Германию. Евреи из лагерей-спутников Кайзервальда были свезены обратно в Кайзервальд. Перед закрытием концлагеря из 1800 его заключенных были убиты 1300. Уничтожены были все мужчины и женщины старше 30 лет и моложе 17. Большую часть узников отправили морем в Германию прямо из Риги, а других — из Лиенаи. Транспорты с евреями отправились в Германию 6 августа, 25 и 29 сентября. Последний транспорт, насчитывавший около 100 человек, был отправлен 2 октября, за 10 дней до вступления в Ригу Красной армии. — *Ред.*

⁷ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, общественный деятель. Родился в Киеве. За участие в революционном движении был арестован, в декабре 1908 г. эмигрировал в Париж. В 1921—1924 гг. жил в Берлине, активно сотрудничал в советской печати. С начала 30-х гг. постоянно жил в СССР. Во время гражданской войны в Испании (1936—1939) был военным корреспондентом газеты «Известия»; публиковался как эссеист, поэт. С началом Второй мировой войны приобрел широкую популярность как публицист. Название его повести «Оттепель» (1954—1956) стало метафорическим определением короткого послесталинского периода. Наиболее значительное произведение последних лет жизни — воспоминания «Люди. Годы. Жизнь» (кн. 1—6, 1961—1965), которые открывали многие ранее скрытые имена отечественной и зарубежной литературы. Был депутатом Верховного Совета СССР 3—7-го созывов, с 1950 г. вице-президент Всемирного совета мира. Умер в Москве. Произведения переведены на основные языки мира. — *Ред.*

⁸ «Борьба с космополитизмом» — идеологическая кампания, проводившаяся сталинским режимом в 1948—1953 г. и направленная против части советской интеллигенции, которую инициаторы кампании считали носителем прозападных тенденций. Для кампании была характерна борьба за русские и советские приоритеты в области науки и техники, критика ряда научных направлений, административные меры против лиц, заподозренных в «космополитизме» и «низкопоклонстве перед Западом». Поскольку кампания сопровождалась также обвинениями советских евреев в «безродном космополитизме» и враждебности к «патриотическим чувствам советских людей», а также их увольнениями со многих постов и должностей и арестами, то многие исследователи обоснованно считают эту кампанию антисемитской. — *Ред.*

⁹ «Дело врачей» — апофеоз антисемитской кампании (январь—апрель 1953 г.), развязанной в последний период правления Сталина, когда была арестована группа популярных московских врачей и ученых-медиков (из девяти их шесть были евреями). Им инкриминировались планы «путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Эту кампанию прервала смерть Сталина. — *Ред.*

¹⁰ См. прим. 6 на с. 189.

¹¹ Герберт Цукур (1900—1965) — летчик, журналист. На самодельных самолетах совершил перелеты в Африку и Японию, публиковал путевые очерки. Во время нацистской оккупации Латвии сотрудничал с германскими секретными службами, служил в расстрельной «команде Арайса». В 1946 г. бежал в Бразилию. Убит в Монтевидео сотрудниками израильских спецслужб за преступления против евреев, совершенные в 1941 г. в Латвии. — *Ред.*